

A. П. Заостровцев

Конституционная политическая экономия как экономика универсального индивидуализма

(О книге Джеки Бреннана и Джеймса Бьюкенена
«Причина правил»¹)

Самое трудное в этой книге – верно отразить смысл ее названия при переводе. Английское словосочетание «The Reason of Rules», исходя из вкладываемого в него авторами книги содержания, правильнее было бы передать на русский язык как «Происхождение правил» или дать ему вольный перевод типа «Почему существуют правила?». Однако, издательство «Экономическая школа» решило, все-таки, придерживаться того перевода заголовка книги, который уже однажды встречался в русской публикации.² Зато перевод подзаголовка книги «Конституционная политическая экономия» не вызывает никаких сомнений. Это – первая книга, в которой отражено именно такое определение сравнительно нового направления экономической мысли.³

¹ Brennan G., Buchanan J. M. *The Reason of Rules*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

² Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М.: Таурус Альфа, 1997. – С. 29.

³ Как отмечал в 1990 г. в открывющей новый журнал – «Конституционная политическая экономия» – статье под заголовком «Область конституционной экономики» (*The Domain of Constitutional Economics*) Дж. Бьюкенен, впервые термин «конституционная экономика» ввел Ричард Мак-Кензи в 1982 г. на организованной Фондом наследия конференции. Затем в 1987 г. Бьюкенен заимствовал этот термин, когда предложил и написал статью «Конституционная экономика» для «Нового Пэлгрэйва». В 1980-е годы этот термин трансформировался, как считает Бьюкенен, в более содержательный (*inclusive*) термин «конституционная политическая экономия», и в качестве такового получил полную семантическую легитимность (Buchanan J. M. *The Domain of Constitutional Economics/Constitutional Political Economy*, 1990, v. 1, no. 1. – P. 1).

Что же представляет собой конституционная политическая экономия? В указанной выше статье Дж. Бьюкенен определил ее следующим образом: «Конституционная политическая экономия – это исследовательская программа, которая направлена на изучение действующих характеристик правил и институтов, в рамках которых взаимодействуют индивиды, а также процессов, посредством которых эти правила и институты выбираются или возникают».⁴

В 1997 г. журнал «Public Choice» составил обзор того, что к тому времени было сделано экономистами в области конституционной политической экономии. В статье Стефана Воигта приводилось такое ее определение: «Конституционная экономика – относительно молодое направление исследования, чьи приверженцы заняты выбором правил как ограничений для человеческого поведения в противоположность выбору в рамках этих правил».⁵ В этой же статье отмечалось, что неоклассическая теория преимущественно сфокусирована на последнем аспекте, принимая, таким образом, институциональную среду как данную. Однако, по мере того, как институты осознавались в качестве релевантных к аллокации или распределению, а также в качестве подлежащих сознательной модификации, то оказывалось, что есть смысл в том, чтобы анализировать выбор правил с экономической точки зрения.⁶

Представляемая далее глава 1 работы Бреннана и Бьюкенена четко обрисовывает различия между выбором правил и «игрой» по этим правилам. Наша задача здесь не пересказывать то, с чем можно лучше и полнее познакомиться по первоисточнику, но показать в этой работе то, что, с нашей точки зрения, наиболее интересно и во многом необычно для российского экономиста (как дипломированного специалиста, так и студента), хотя его знакомство с теорией общественного выбора началось еще в начале 90-х годов прошлого века.⁷

В этой связи есть смысл сосредоточиться на сути конституционной политической экономии как особой теории общественного договора и

⁴ Buchanan J. M. Op. cit.

⁵ Voigt S. Positive Constitutional Economics: A Survey//Public Choice< 1997, v. 90, nos. 1-4. – P. 11.

⁶ Ibid.

⁷ Пожалуй, впервые с описанием этой теорией российский читатель встретился в учебнике Э. Долана и Д. Линдсея (Долан Э. Дж., Линдсей Д. Рынок: микроэкономическая модель. СПб., 1992. – С. 357-379.)

ее отличия от традиционного, вытекающего из концепции провалов рынка, видения государства.

Конституция как взаимовыгодный общественный договор индивидов

Бреннан и Бьюкенен подчеркивают, что «... наша позиция – открыто и недвусмысленно контрактарианская».⁸ Итак, контрактарианская (договорная) позиция. С тем, чтобы разъяснить ее суть, авторы обращаются к противоположному подходу, – так называемому «недоговорному конституционализму».

Если так можно выразиться, то «родовым признаком» конституционалиста является проводимое им различие между результатами, получаемыми в рамках определенных правил, и самими правилами. Как только такое отличие проведено – становится очевидным влияние правил на ограничение круга потенциально возможных результатов. Однако принимающий это различие конституционалист совсем не обязательно является сторонником договорного подхода.

Одна из разновидностей недоговорного конституционализма – крайний консерватизм. «Крайний консерватор – человек, ценящий существующие правила просто потому, что они существуют и существовали всегда».⁹ Для него идеалом конституционализма является никогда не меняющаяся система ограничительных правил.

Другой вариант – не столь крайний, но, тем не менее, противоречащий договорному подходу Бреннана-Бьюкенена, – заключается в том, что правила общественного порядка не являются искусственными созданиями, которые могут изменяться по воле людей. Согласно этой точке зрения, медленное изменение правил происходит в ходе эволюции общества. Если в базовой структуре правил и имеют место изменения, то осуществляются они только как органичный эволюционный процесс. Они не могут быть изменены каким-либо заданным образом.

И, наконец, еще один, третий вариант недоговорного конституционализма строится на концепции «естественных прав». Конституция

⁸ Brennan G., Buchanan J.M. Op. cit. – P.19.

⁹ Ibid. – P.20.

здесь представляет собой ту структуру институтов или правил, которая связана с защитой этих естественных прав; все остальные действия относятся к сфере обычной политики. И хотя конституция может быть модифицирована, но не может быть никаких изменений в определении естественных прав как таковых.

Основное расхождение Бреннана и Бьюкенена с первыми двумя разновидностями недоговорного конституционализма заключается в том, что, согласно их точки зрения, институты общественного порядка могут быть реформированы и изменены. Расхождение же с третьей его разновидностью состоит в том, что «для сторонника теории договорных отношений все ценности имеют своими источниками отдельных индивидов – членов сообщества, он отвергает возможность существования определяемых извне источников ценности, включая сюда и “естественные права”».¹⁰

Итак, здесь мы подошли к принципиально важному постулату конституционной политической экономии и теории общественного выбора в целом. Источник ценности – отдельный индивид и никто иной. Отсюда перебрасывается «мостик» к трактовке политики как обмена. «Пока источником ценности являются исключительно отдельные индивиды и отсутствует какая-либо дифференциация этих индивидов – вся политическая деятельность может рассматриваться как всего лишь сложная система обменов или договоров между большим количеством людей. Нужно представить себе, что люди объединяются для того, чтобы рассмотреть вопрос и, в конечном счете, договориться о создании коллективных органов или соглашений, которые оказываются взаимовыгодными».¹¹

В результате, «каждый участник такой сделки обеспечивает себе выгоды, приносимые порядком, и тем самым частично избавляется от необходимости расходовать свои собственные ресурсы в целях самозащиты. В обмен на это каждый участник сделки отказывается от своей свободы действий в том, что касается потенциальной эксплуатации чужой личности и чужой собственности – в степени, определенной условиями договора».¹²

Авторы подчеркивают, что, с одной стороны, разумеется, существуют отличия обмена в политике от обмена частными благами, с други-

¹⁰ Ibid. – P. 21.

¹¹ Ibid. – P. 25.

¹² Ibid.

той – для них очевидно, что политический обмен и заключенный в результате контракт – предшественник обмена на рынке частных благ. Таким образом, не рынок (в его обычном понимании) формирует политическую среду, а, напротив, политическая среда (конституционный договор) – рынок. Этот договор как бы незримо встроен в каждую сделку на рынках частных благ.

Легитимность государства базируется на общественном договоре. «Правила политического порядка, включая определение прав отдельных людей, могут быть легитимными, только если они выводятся из соглашения, заключенного между собой индивидами – членами данного полиса. Широко распространенное представление о том, что права индивидов в какой-то мере определяются правительствами, не имеет под собой никакого основания. Люди учреждают правительства для того, чтобы гарантировать и защитить свои права, согласованные в договоре. Самостоятельные действия правительства или лиц, выступающих в качестве его агентов, направленные на модификацию или изменение прав индивидов, не могут не нарушать дух общественного договора». ¹³

Бреннан и Бьюкенен постоянно подчеркивают опасность, исходящую от государства. «Утвердившись в качестве суверена, правительство может обнаружить нежелание оставаться в пределах первоначально делегированных ему полномочий. В той степени, в какой оно выходит за эти пределы, действия правительства становятся нелегитимными ... В этой ситуации правительство может взять на себя роль органа, заново определяющего права индивидов, но при этом оно открыто нарушит принципы своей легитимности, определенные договором». ¹⁴

В итоге конституция, по Бреннану-Бьюкенену, определяет границы политической власти. Они подчеркивают, что эта концепция остается малопонятной для многих людей. Заметим, что при этом они имеют ввиду, естественно, США и американских граждан. Интересно, что в таком случае они могли бы сказать про граждан российских?

Однако не будем заниматься домыслами, а лучше посмотрим, как наши авторы определяют легитимность самой конституции.

¹³ Ibid. – P. 26.

¹⁴ Ibid.

В основе легитимности самой конституции – принцип единогласия ее принятия. Однако сами авторы видят в этом серьезные проблемы. «Даже в том случае, если на каком-то в высшей степени абстрактном философском уровне принцип единогласия и признается основой легитимности институтов общественного порядка, то на практическом уровне требование единогласия может показаться чистой воды утопическим романтизмом».¹⁵

Во-первых, любой общественный или политический договор должен обеспечивать применение одного и того же правила ко всем его участникам. Если сравнить этот договор с обменом частными благами, то он равносителен тому, что при обмене заранее предполагалось бы, что в его итоге стороны должны иметь совершенно идентичные наборы благ. При таком условии обмен частными благами, скорее всего, не состоялся бы вовсе.

Во-вторых, при конституционном договоре условия должны быть согласованы со всеми сторонами. Это делает каждого индивида противником всех остальных и, таким образом, каждый становится в отношении всех остальных в позицию, аналогичную позиции одной из сторон двусторонней монополии. Наиболее выгодной для каждого участника представляется стратегия, обеспечивающая получение односторонних преимуществ.

Тем не менее, когда выбираются правила, возможности достигнуть соглашения оказываются большими, чем в тех случаях, когда речь идет о результатах, получаемых в рамках конкретных правил. Дело в том, что при выборе правил значительно труднее определить, в чем состоят интересы любого лица или группы. Правила применимы к целому ряду случаев или ситуаций. Выбор правил – это выбор в условиях неопределенности, и именно она повышает возможность согласия относительно правил.

Бреннан и Бьюкенен приводят такой пример. Фермер может решительно выступить против отмены субсидирования цены на молоко, поскольку это сокращение почти несомненно приведет к уменьшению его чистого богатства. В то же время, он может поддержать какое-то более общее правило, предусматривающее полное прекращение вмешательства политиков в вопросы ценообразования. Это связано с тем,

¹⁵ Ibid. – P. 27.

что в последнем случае влияние такого изменения правил или институциональной реформы на его собственное богатство представляется менее определенным, чем в первом.

Далее, правилам присущ более длительный срок существования, чем результатам конкретных действий. Поэтому, независимо от того, что именно стремится максимизировать участник выбора, неопределенность в отношении влияния конкретных правил на значение максимизируемой ценности возрастает.

Неопределенность не только повышает возможность достижения согласия, но и уменьшает вероятность одобрения радикальных норм. Столкнувшись с реальной неопределенностью в отношении того, как ловлияет действие какого-то конкретного правила на его положение, индивид, руководствуясь эгоистическим расчетом, сосредотачивает свои усилия на выборе вариантов, которые устраниют или уменьшают возможность получения потенциально катастрофических вариантов.

Бреннан и Бьюкенен иллюстрируют эту идею следующим образом. Предположим, что некоему сообществу предложено правило, в соответствии с которым методом случайного отбора будут выбирать одного из его членов и наделять его правом принятия всех решений относительно того, кто и на какой срок может быть заключен в тюрьму. Даже если на уровне конституционного выбора каждый гражданин будет сознавать, что у него имеется такой же, как и у любого другого гражданина, шанс быть избранным в «диктаторы», такое правило почти несомненно будет отвергнуто. Потенциальный ущерб от произвольного отправления власти выбранным единоличником намного перевесил бы ожидаемые выгоды.

«В той степени, в какой у человека, осуществляющего конституционный выбор, сохраняется неопределенность в отношении его будущего положения при осуществлении различных вариантов выбора, он будет склонен соглашаться с теми договоренностями, которые могут быть названы «честными» – в том смысле, что структуры результатов, получаемых в рамках таких договоренностей, будут приемлемыми для широкого круга участников, независимо от того, каким может оказаться положение данного участника при этих результатах».¹⁶

¹⁶ Ibid. – P. 30.

Антиконституционализм: миф о благонамеренности

Существует ли некое «общественное благо» вне индивидов? Признание наличия такового является тем, что Бреннан и Бьюкенен имеют «антиконституционализмом» или «недоговорным подходом».

При недоговорном подходе постулируется, что в сфере политики отдельный участник стремится к «общественному благу». Допускается, что цель, к которой он стремится, имеет некое «внешнее» существование – вне ценностей и оценочной деятельности индивида, выражающего себя посредством своего поведения в ситуации выбора. Именно эта «объективность» преследуемой цели отличает недоговорный подход от договорного.

«Если «общественное благо» существует в смысле наличия у него независимого от индивида бытия, то отсюда непосредственным образом следует, что человек, стремящийся к этой цели, выводит свои ценности из какого-то внешнего по отношению к нему источника».¹⁷

Интересно подчеркнуть тот факт, что, согласно Бреннану-Бьюкенену, антидоговорно-антиконституционалистская модель общественной деятельности в сфере политики во многом напоминает модель науки. В рамках этой модели люди рассматриваются как участники коллективно организованной, основанной на сотрудничестве деятельности, целью которой является «открытие» некоего «общественного блага», внешнего по отношению к их собственным предпочтениям или ценностям. «Это «общественное благо» находится «где-то там», ожидая, пока его отыщут при помощи политической деятельности. «Общественное благо» есть священный Грааль».¹⁸

Представление процесса общественного взаимодействия в рамках «политики как науки» или «политики как суждения об истине» является одновременно и авторитарным, и антииндивидуалистическим. Как замечают Бреннан и Бьюкенен, «авторитарный императив» явля-

¹⁷ Ibid. – P. 37.

¹⁸ Ibid. – P. 39. Здесь можно высказать предположение о том, что провозглашение некой «внениндивидуальной» истины отражает особенности менталитета представителей естественных и технических наук, все в больших количествах переходивших в экономисты по мере нарастания математизации экономической теории. Естественно, что этот факт ни в коей мере нельзя считать единственным и даже главным источником такой парадигмы.

ется непосредственным следствием признания внеиндивидуального источника оценки «общественного блага». Ведь если «общественное благо» существует отдельно от предпочтений индивидов, и если оно надлежащим образом осознано, то оно не может не считаться приоритетным по отношению к принципам сохранения личных свобод. Последние могут как входить в понимание этого блага, так и исключаться из него.

В противостоящих договорному конституционализму концепциях политическая деятельность осуществляется политическими руководителями, чье поведение описывается как поведение беспристрастных искателей «общественного блага» в контексте тех разнообразных вопросов, с которыми они могут сталкиваться. В рамках данной парадигмы эти лидеры не являются ни агентами граждан, ни представителями их интересов и ценностей. Они – некие бесплотные существа, озабоченные нахождением состояния максимального благополучия.¹⁹

Если моделирование политики строится не в рамках договорной парадигмы, то тогда и ее результаты не являются следствием процесса объединения отдельных интересов и ценностей, осуществляемого с помощью какой-то совокупности институтов принятия решений. Вместо этого политические результаты выбираются кем-то стремящимся ко «благу», в соответствии с его собственным добросовестным суждением о том, в чем состоит такое благо.

Что остается экономисту, стоящему на антидоговорной парадигме? Бреннан и Бьюкенен полагают, что в рамках антидоговорной парадигмы ученый почти неизбежно должен будет моделировать свое поведение как поведение беспристрастного искателя «блага», находящегося вне политической сцены, играющего роль советника или консультанта более активных участников процесса. «При таком подходе отдельный ученый может отводить себе лишь одну роль – роль бес-

¹⁹ В этой связи возьмем на себя смелость провести параллель между так называемой «экономикой благосостояния» и преподававшейся в советских вузах политической экономией социализма. В первой государство корректирует провалы рынка, устремляя общество как можно ближе к парето-эффективному состоянию, что обеспечивает максимизацию благосостояния при данных ресурсах. Во второй – реализует «основной закон социализма», также заключающийся в обеспечении максимального благополучия. При том, что первая построена в форме изящных экономико-математических моделей, а вторая написана в виде агитматериала безграмотными советскими политэкономами, у них нащупывается некое общее идеиное начало. Заключается оно как раз в представлении о «благонамеренном государстве», направляющем всех к тому, что составляет некое правильно понятое им счастье граждан.

пристрестного искателя «блага», полагающего, что он информирован лучше, чем обыкновенный гражданин».²⁰

Раз этот ученый взял на себя роль «советника князей» (причем неважно, в реальности или в своем воображении), то он не может не выступать против всех предложений о проведении конституционной реформы, предусматривающей дополнительные ограничения власти правительства.

Более того, он должен поддерживать все предложения об ослаблении уже существующих ограничений. Это вытекает из того, что любое явное ограничение политической власти посягает на свободу выбора данного ученого (ограничивает его в праве ставить эксперименты над обществом). «Идеализированный поиск политического «блага» требует от него блужданий по вселенной потенциально осуществимых вариантов».²¹

В рамках же договорной парадигмы политическая деятельность как таковая не имеет ни целей, ни задач. Политика, в широком смысле этого термина, есть сложный институциональный процесс, посредством которого люди выражают ценности, придаваемые ими стоящим перед ними альтернативам. Ссылка на «национальные цели» содержит в себе внутреннее противоречие (цель присуща только индивиду и никому более), хотя, разумеется, отдельные члены общества могут разделять некоторые общие цели.

Однако на этом придется поставить точку. Если же вас заинтересовала конституционная политическая экономия с ее договорной парадигмой, то вы сможете познакомиться с ней более детально, когда в издательстве «Экономическая школа» выйдет книга, центральные идеи которой мы попытались обрисовать здесь в самых общих чертах.

²⁰ Ibid. – P. 42.

²¹ Ibid.

Глава I

Конституционный императив*

Пер. под ред. А. П. Заостровцева

1.

Введение

Есть нечто глубоко неудовлетворительное в том, что экономисты начинают изложение своего предмета с обращения к сталкивающемуся с «экономической проблемой» Робинзону Крузо, поскольку ему необходимо решать, как разместить его редкие ресурсы (включая время) между конкурирующими друг с другом вариантами их использования.

После такого введения становится чересчур легко соскользнуть из «ситуации Крузо» в ситуацию, в которой «общество» как таковое также сталкивается с «экономической проблемой», и перескочить — почти незаметно — от анализа максимизации индивидуальной полезности к непосредственной озабоченности максимизацией ценности общества.

При такой последовательности изложения упускается из виду взаимодействие отдельных индивидов, из которых состоит любое общество. Индивиды делают выбор в социальной среде, в которой существование и поведение других людей, наряду с ограничивающими их поведение институтами, имеют гораздо большее значение, чем налагаемые природой физические ограничения. Экономика является — или должна быть — наукой о поведении отдельных индивидов в обществе.

Такое поведение не обязательно является «социальным» в том смысле, что индивиды осознают существование взаимовлияния действий непосредственно взаимодействующих сторон. Поведение индивида в крупных современных обществах может быть полностью обезличенным, как это представлено в идеализированных моделях конкурентных рынков. В этом крайнем случае все участники реагируют на экзогенно определяемые параметры: ни один человек не оказывает

* Глава из книги Brennan G., Buchanan J. M. «Reason of Rules», готовящейся к выходу в свет в издательстве «Экономическая школа» в 2004 г.

какого-либо прямого влияния на другого. Исходы сложного взаимодействия всех действующих лиц не могут быть предметом выбора кого-либо из них.

В этом крайнем случае, или в более частых ситуациях, где поведение, по крайней мере отчасти, оказывается явно «социальным», – координирующие действия индивидов правила важны и имеют решающее значение для какого-либо понимания процесса взаимодействия. Взаимодействие одних и тех же людей с одинаковыми способностями и мотивациями при различных системах правил приводит к совершенно различным совокупным результатам, имеющим совершенно различные последствия для благосостояния каждого из участников. Распределение времени и энергии индивидом в ситуации, когда его вознаграждение связано с результатами его деятельности, будет отличаться от ситуации, когда вознаграждение определяется на основании каких-то иных критериев. По крайней мере, с восемнадцатого века и, в особенности начиная с Адама Смита, имело место понимание влияния правил (Смит использовал термин «законы и институты») на общественные результаты и эта связь явила базовой для одной из центральных тем экономики и политической экономии – в частности, как это следовало из их классических оснований.

Если правила влияют на результаты и если некоторые результаты «лучше», чем другие, то отсюда следует, что в той степени, в какой правила могут выбираться, исследование и сравнительный анализ различных правил и институтов становится предметом, заслуживающим нашего внимания. Без понимания того, как образующие некий общественный порядок индивиды взаимодействуют, и как влияют на их взаимодействия различные системы правил, – участнице в этих взаимодействиях не могут осуществлять осознанные изменения существующих правил. Или хотя бы вести себя благоразумно ради сохранения тех правил, которые доказали свою значимость для приемлемо эффективного функционирования общества как такового.

Что мы можем посоветовать самим себе в наших собственных обществах, располагая выгодами сотрудничества с одной стороны, и перспективами возможных конфликтов, – с другой? От каких сторон нашей общественной жизни следовало бы избавиться? Какие «правила общественного порядка» – то есть институциональные соглашения, управляющие нашими взаимодействиями – заставляют нас оказывать неблагоприятное влияние друг на друга? Какие силы мы можем моби-

лизовать в целях достижения гармонии? За сохранение каких правил и институтов стоит бороться?

Эти вопросы образуют ту область исследований, которую мы имеем «конституционной политической экономией» (в духе классиков политической экономии, для которых подобные вопросы были также центральными). Они остаются важными, несмотря на столь широкое их игнорирование в современных рассуждениях. И задаются эти вопросы отнюдь не в абсолютном интеллектуально-аналитическом вакууме. На самом деле, они привлекали к себе внимание ряда крупнейших мыслителей западной культурной традиции.

К сожалению, значительная часть накопленной мудрости, по-видимому, до сих пор пропадала втуне. Зачастую подобные вопросы рассматриваются как чисто идеологические, в силу чего считается, что ответы на них зависят от мнений, каждое из которых примерно столь же хорошо, как и любое другое. Несомненно, в данной области существует значительное пространство допустимых разногласий. Однако, кроме того, существуют и процедура постановки вопросов, и метод анализа, определяющие те рамки, внутри которых могут вестись дебаты.

В данной книге рассматриваются сами эти вопросы, необходимые процедуры их постановки и соответствующий им метод анализа. Цель этой вступительной главы – подготовка сцены для дальнейшего действия: нам предстоит забить те колышки, на которые мы сможем впоследствии набрасывать разнообразные шляпы. Выражаясь конкретнее, мы предложим характеристики различных типов взаимодействий – первоначально сформулированные в абстрактных терминах. Мы укажем, опять-таки абстрактно, какими способами обеспечивается соответствие правил и институтов общества характеру преобладающих в нем взаимодействий.

Далее мы соотнесем различные типы взаимодействий с различными социальными системами, с которыми они зачастую ассоциируются. Наконец, мы представим краткий общий обзор правил и свяжем некоторые из сделанных нами выводов с социально-политико-экономическими условиями, которые, конечно, представляют для нас главный интерес.

2.

Причина правил

Эта книга озаглавлена «Причина правил», и, по мере изложения, мы подробно рассмотрим многочисленные причины их существования. Однако вначале мы должны рассмотреть самую фундаментальную из всех причин – пусть даже она уже была довольно подробно рассмотрена в других работах.²²

Обществу необходимы правила, потому что без них жизнь и вправду была бы «одинокой, скудной, отвратительной, жестокой и короткой», как поведал нам более трехсот лет тому назад Томас Гоббс.²³ Лишь романтик-анархист может верить в существование некой «естественной гармонии» между людьми, которая устранит все конфликты между ними. Мы нуждаемся в правилах для совместной жизни по той простой причине, что без них мы бы несомненно сражались. Мы воевали бы друг с другом, поскольку объект желания одного индивида становился бы предметом притязаний другого. Правила определяют границы пространства, в пределах которого каждый может действовать так, как считает нужным.

Одной из наиболее известных и, возможно, наилучшей иллюстрацией этого потенциала для конфликта, а также потенциальных средств его разрешения, является классическая «дилемма заключенных». Рассмотрим матрицу 1.1., в которой числа в каждой ячейке характеризуют выигрыши каждого из двух индивидов, А и В. Причем, левое число в каждой клетке – выигрыш А, а правое – В.

		В
		I II
А	I 6, 6	0, 10
	III 10, 0	IV 1, 1

Матрица 1.1

²² См., в особенности, J. M. Buchanan, *The Limits of Liberty* (University of Chicago Press, 1975). (Русский перевод: Бьюканен Джеймс М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – С. 207-444. - Прим. ред.).

²³ Thomas Hobbes, *Leviathan* (1651) (New York: Everyman Edition, 1943). (Русский перевод: Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990).

Заметьте, что здесь имеются как доминирующая строка, так и столбец. Другими словами, если в игре только одна партия, то А, выбирающий между строками, выберет строку 2 вне зависимости от своего прогноза поведения игрока В. Аналогично, В, выбирающий между столбцами, выберет столбец 2.

В результате таких независимых действий игроков «решение» оказывается в ячейке IV. Однако, как указывают величины выигрышней, оба игрока добились бы большего, выбрав строку 1 и столбец 1 с решением в ячейке I. Тем не менее, пока не существует какого-то правила или соглашения, диктующего такой выбор, – индивидуально-рациональное и максимизирующее полезность поведение гарантирует исход игры в ячейке IV.

Этот пример позволяет сделать простой и недвусмысленный вывод. Сообщество людей, вовлеченных в подобное взаимодействие, нуждается в существование какого-то правила, обязательной для членов общества нормы, предотвращающей такое поведение индивидов, которое приводит к исходу в ячейке IV – исходу, который никто не желает.

Эта простая иллюстрация позволяет сделать несколько заслуживающих внимания замечаний. Во-первых, как уже отмечалось выше, ни А, ни В не могут поодиночке предопределить результат социального взаимодействия. Этот результат возникает из поведения обеих сторон, независимо от того, идет ли речь о поведении, направленном на максимизацию ожидаемой индивидуальной полезности при отсутствии правил, или же о соблюдении какого-то правила или соглашения.

Во-вторых, потенциальная возможность достижения соглашения относительно какого-то правила или договоренности существует до тех пор, пока структура взаимодействия остается той, что отображена в матрице. Другими словами, «игра» не обязательно должна быть симметричной относительно выигрышней, как показано. Необходимо лишь, чтобы порядковое ранжирование ячеек для каждого из участников совпадало с тем, которое показано в таблице. Пока игрок А ранжирует в порядке предпочтения ячейки как III, I, IV и II, а В – как II, I, IV, III, результаты игры не изменятся.

Следовательно, мы могли бы при желании умножить соответствующие числа, например для игрока А, на коэффициент 100, оставив неизменными числа для игрока В; при этом принципиальная структура взаимодействия не претерпела бы изменений.

В-третьих, даже эта простая иллюстрация говорить о проблеме принуждения к соблюдению правила, несмотря на возможность общего согласия по поводу его желательности. Предположим, что А и В договорились выбрать, соответственно, строку 1 и столбец 1, вследствие чего ожидаемый исход игры оказывается в ячейке 1. Однако если А рассчитывает, что В будет соблюдать договоренность, то он может обеспечить себе больший выигрыш, выбрав вместо строки 1, как было условлено, строку 2. Аналогичным образом, В может выбрать столбец 2 и улучшить свое положение, если он ожидает от А выбора строки 1.

В результате любое правило, обеспечивающее при условии соблюдения его всеми сторонами получение более высокого общего выигрыша, уязвимо из-за мотивов индивидуально-рационального поведения некоторых или всех взаимодействующих сторон. При этом нельзя сказать, что потенциальный нарушитель действует нерационально или находится не в ладах со здравым смыслом. Напротив, ближе к истине будет, скорее, противоположное утверждение. При отсутствии эффективных процедур принуждения к соблюдению правил, именно следование правилам, а не их нарушение, требует от индивида отказа от максимизации ожидаемой полезности. По крайней мере, если следовать тому, как эта поведенческая предпосылка формулируется в современной экономической теории.

В дилемме заключенного взаимодействие крайне упрощено, однако, как нам представляется, в его структуре содержится большинство тех элементов, которые необходимы для понимания центральных проблем общественного порядка; а именно — согласования поведения индивидуально мотивированных людей таким образом, чтобы получить приемлемые для всех участников варианты исходов.

Наш коллега Гордон Таллок весьма удачно озаглавил свою книгу по данной проблеме «Общественная дилемма»,²⁴ тем самым предполагая ее вседесущность. В случае обобщения дилемма, конечно, приобретет очень сложные структурные характеристики. По мере того, как мы расширяем анализ в целях включения в него множества лиц, способных действовать индивидуально, в группах или в качестве коллективной организации через правительственные учреждения, а также многочисленных вариантов выбора, в число которых входят несколько его уровней, — количество могущих стать предметом исследования интересных ситуаций взаимодействия становится практически неограниченным.

²⁴ Gordon Tullock, *The Social Dilemma* (Blacksburg, Va., University Publications, 1974).

Однако цель нашей книги состоит не в том, чтобы смоделировать хотя бы незначительное подмножество таких взаимодействий. На всем протяжении книги нашей отправной точкой будет такое понимание обобщенной дилеммы, которое предполагает повсеместную желательность правил или системы правил, накладывающих соответствующие ограничения на индивидуальное, групповое и коллективное поведение.

В оставшихся разделах данной главы мы выделим свойства правил в нескольких хорошо знакомых взаимодействиях в качестве средства введения обсуждения правил в социально-политической системе.

3. Правила игры

Слово «правила», вероятно, чаще всего ассоциируется с «играми». И потому будет полезно рассмотреть правила, существующие в обычных играх, будь то комнатные игры типа бридж или спортивные игры типа тенниса или баскетбола.

Во всех играх существуют правила, определяющие те параметры, в рамках которых проводится игра – разрешаемые игрокам действия, используемое снаряжение, средства разрешения споров, способ определения победителя и так далее.

Рассматривая обычные игры, мы без труда или без особого труда проводим различие между правилами игры как таковой и действиями в рамках этих правил. Действия осуществляются в рамках правил, но сами они не являются составной частью правил.

Правила устанавливают рамки для действий в игре, и в этих рамках действия могут принимать весьма разнообразный характер. Напротив, составляющие специфику игры действия является строго определенными или замкнутыми.

Фактически, определенную путаницу вносит сюда разговорный язык, в котором слово «игра» употребляется как для обозначения структуры правил (например, «баскетбол – это игра»), так и проведения игры в рамках этих правил (например, «во вчерашней игре «Лейкерс» победил «Селтик»).

В социально-политической системе существуют те же, что и в обычных играх, различия между правилами социального взаимодействия.

ствия и типами поведения, имеющими место в рамках этих правил. Зачастую провести такое различие здесь бывает значительно сложнее, чем в обычных играх, и именно в этом отношении знакомство с последними может оказаться полезным. Тем не менее, различие между правилами и поведением в рамках правил сохраняет силу для всех ситуаций взаимодействия.

Ситуация обычной игры, кроме того, помогает рассмотреть другое, хотя и связанное с вышеупомянутым различие – между выбором стратегии ведения игры в рамках определенной системы правил и выбором самих правил. Выбор между стад-покером и обычным покером, который осуществляет группа потенциальных игроков, заметно отличается от выбора между пасом и прикупом, который делает отдельный игрок в покер.

В социально-политической системе соответствующему различию необходимо уделить особое внимание. Нужно отделять процесс, в ходе которого определяются правила, от того процесса, посредством которого выбираются конкретные действия, совершаемые в рамках данных правил.

Однако провести такое различие в социальной системе опять-таки труднее из-за сложных взаимозависимостей между правилами, накладывающими ограничения на поведение частных лиц, и теми правилами, устанавливающими ограничения деятельности политических агентов. Причем последние, в свою очередь, могут вносить изменения в правила первого типа.

Иными словами, большинство законодательных органов могут действовать в рамках правил (политической конституции), которые устанавливают ограничения для их действий по изменению правил, регулирующих поведение отдельных граждан в их частной жизни.

Следует соблюдать осторожность, проводя различие между выбором правил и выбором стратегий действий в рамках правил применительно к ситуации, в которой существует четко определенный орган, принимающий решения. К примеру, если правила пользования недвижимым имуществом позволяют нам выжигать заросли на принадлежащей нам земле, то, решив сжечь в определенный день кучу хвороста, мы действуем в рамках правил. Любой законодательный акт, объявляющий это незаконным, представляет собой изменение правил, которым мы, как частные землевладельцы, должны следовать. Одна-

ко, принимая такое постановление, законодательный орган действует в рамках своих собственных правил, предусматривающих, например, принятие решения простым большинством голосов.

Главное преимущество начала нашего обсуждения с обращения к знакомым обычным играм заключается в том, что в них различие между этими двумя уровнями выбора интуитивно представляется очевидным.

В то же время, в некоторых отношениях обращение к правилам обычных игр может оказаться дезориентирующим. Правила этих игр имеют целью сделать игру в рамках этих правил интересной. Другими словами, игра как таковая является единственной и общей для всех потенциальных ее участников целью. Поэтому, обращение к обычным играм может затемнять ту основную дилемму, которую мы представили выше и исходя из которой правила необходимы потому, что они позволяют избегать нежелательных исходов.

Переходя к рассмотрению ситуаций социально-политических взаимодействий, мы обнаруживаем, что здесь не следует искать какого-либо аналога удовольствию от самой игры, а вознаграждения отдельных игроков отнюдь не должны быть связаны с задачей придания интереса соответствующей деятельности. Социально-политические правила не требуют наличия какой-то общей для всех цели. Здесь признается, что отдельные индивиды имеют свои собственные, самостоятельно определяемые ими цели, собственные жизненные планы, которые не обязаны быть общими для всех.

В таком случае функция правил состоит в том, чтобы обеспечивать взаимодействие людей, чьи желания могут быть совершенно различными. Рассматривать данную функцию лучше всего, обратившись к иному примеру.

4.**Правила дорожного движения**

Правила дорожного движения (еще один хорошо знакомый пример использования термина «правила») не создаются и/или не формируются, исходя из каких-либо конкретно сформулированных целей пользователей дорог. Эти пользователи могут иметь самые разнообразные цели – деловые, развлекательные или какие-то комбинированные, – что имеет своим следствием разнообразие маршрутов поездок, скорости движения и типов транспортных средств. Функция правил дорожного движения заключается в том, чтобы обеспечить людям возможность двигаться различными, не зависящими друг от друга курсами, что при отсутствии таких правил могло бы вызывать противоречия и конфликты. Наличие этих правил не означает, что цели участников движения можно свести к какой-то единой мере, аналогичной «выигрышу» в обычных играх.

Правила дорожного движения обладают еще одной привлекающей наше внимание особенностью. Эффективность системы этих правил не зависит от того, насколько соответствуют друг другу уровни квалификации пользователей дорог. Какая-либо система правил может оказаться предпочтительной именно потому, что она допускает сосуществование на дороге хороших и плохих водителей – обычным играм данная особенность не присуща. Правила дорожного движения имеют социальную функцию, которая состоит в том, чтобы содействовать достижению своих целей всеми пользователями дорог, независимо от того, какими могут быть эти цели. И оцениваются эти правила по их способности удовлетворять данному критерию.

Правила, регламентирующие социально-политические взаимодействия – экономические и политические отношения между людьми, – в значительной мере должны оцениваться таким же образом, исходя из их способности содействовать всем людям в данном государственном устройстве следовать их собственным целям.

Позволяют ли эти правила отдельным индивидам преследовать свои цели в некой среде, где достижение этих целей подразумевает взаимозависимость, причем, преследовать их так, чтобы максимальная реализация собственных целей каждым сочеталась с такой же свободой и для остальных?

Внимательное изучение примера с правилами дорожного движения позволяет нам выделить еще одну, часто упускаемую из виду характерную черту правил. Правила обеспечивают для каждого участника предсказуемость поведения других. Эта предсказуемость принимает форму информации или информационных рамок относительно возможных поступков взаимодействующих лиц.

Предположим, например, что в некоторой небольшой развивающейся стране автомобили являются новинкой и их число невелико. Страна испытывала влияние как Британии, так и Франции, и потому среди автомобилистов встречаются как следующие правостороннему, так и левостороннему движению. По мере роста количества автомобилей отсутствие общепринятых правил начинает порождать проблемы. При встрече двух автомобилей самостоятельные действия каждого водителя — при том, что ни один из водителей не знает, какой реакции следует ожидать от другого — создают такую структуру возможных исходов, которая аналогична жизни в гоббсовских джунглях. Введение какого-либо правила — любого правила — пойдет на пользу всем сторонам.

Действия В

Следование введенному правилу
(правостороннему
или левостороннему движению)

Действия по
своему
усмотрению

Действия А

Следование введенному правилу
(правостороннему
или левостороннему движению)

Действия по
своему
усмотрению

I 10, 10	II 5, 11
III 11, 5	IV - 10, - 10

Матрица 1.2

Иллюстрацией к этому примеру является матрица 1.2. По существу, здесь имеет место координационная игра, в которой введенное правило выполняет информационную задачу. Каждой из двух сторон дается возможность спрогнозировать действия другой. И пока это правило обеспечивает симметричное поведение, не имеет значения, вводит ли оно правостороннее или левостороннее движение. В таком случае появляется роль для правительства, — известить о введении правила. Однако эта задача может быть так же, или даже лучше, решена самой историей — общественные соглашения часто служат установлению соответствующих правил поведения.

Взаимодействие, отображенное в матрице 1.2., отличается от более общей игры-дилеммы, представленной в матрице 1.1, в том, что касается относительной значимости предсказательной составляющей правила и вытекающей из нее проблемы соблюдения правила.

Матрица 1.2. описывает игру, которая по существу является координационной. Наибольшие выгоды обеспечиваются при введении правила — любого правила, — а его нарушение приносит любому из игроков относительно небольшое преимущество. Однако матрица свидетельствует и о том, что нарушение правила все же приносит некоторую выгоду и, следовательно, имеет место проблема соблюдения правила. Например, если А известно, что В будет всегда следовать согласованному правилу, то А иногда будет выгодно отступать от этого правила. Однако соблазн нарушить ранее одобренное правило здесь не является повсеместно присущим, как это было в более общей ситуации дилеммы заключенного.

В чисто координационной игре (не иллюстрируемой здесь в матричной форме) выгода от индивидуального нарушения утвержденных или согласованных правил полностью отсутствовала бы, и для такой игры проблема соблюдения правил не стояла бы в принципе.

Несомненно, что такие взаимодействия действительно существуют. В качестве примера можно привести язык. У всех членов общества имеется стимул для употребления слов, понятных остальным людям. Существует естественная сила, формирующая общий словарный запас и общие правила грамматики. Этую же характеристику можно отнести и к языку манер и этикета, где видимой целью поведения человека является передача остальным какого-то смыслового сигнала.

Однако, матрицы 1.1. и 1.2. не раскрывают другие важные характеристики взаимодействия, типа дилеммы заключенного или информационно-координационного взаимодействия. Обе эти иллюстрации демонстрируют безоговорочный выбор между наличием правил и их отсутствием. Как только игра принимает более содержательный характер – то есть, как только все стороны признают необходимость введения какого-то правила – возникает второй выбор: выбор между правилами.

Рассмотрим теперь случай, в котором существует различие между возможными правилами – пусть даже при этом сохраняется допущение симметрии в выигрышах игроков. Описываемая здесь игра фактически представляет собой «суб-игру» по отношению к показанной в матрице 1.2.

B

Выбор правила, устанавливающего правостороннее движение

Выбор правила, устанавливающего левостороннее движение

A

Выбор правила, устанавливающего правостороннее движение

Выбор правила, устанавливающего левостороннее движение

	10, 10	–
–		5, 5

Матрица 1.3

Рассмотрим матрицу 1.3., которая занимает положение «внутри» ячейки I матрицы 1.2. В данном случае стороны делают выбор не между принятием правила и действиями без правил. Выбор делается между альтернативными вариантами правила. Как видно из матрицы 1.3., правило «правостороннего движения» имеет преимущество по сравнению с правилом «левостороннего».

Здесь важно иметь какое-то правило (что продемонстрировано в табл. 1.2.), но имеет значение и то, какое из правил будет выбрано. А поскольку выигрыши игроков симметричны, то, при наличии конституционного правила, оба игрока выберут одно и то же правило.

Говоря о представленном здесь взаимодействии, стоит отметить два момента. Во-первых, общественные соглашения, складывающиеся в процессе исторического развития и имеющие статус «неписанных правил», не обязательно обеспечивают получение наилучшей из возможных структур исходов. Некоторые современные исследователи общества (в особенности, Хайек и его последователи) демонстрируют очевидную веру в то, что силы социальной и культурной «эволюции» порождают эффективные правила. Нам представляется, что нет никаких оснований предсказывать, что эти силы всегда будут обеспечивать выбор наилучших правил. В нашем примере вполне может сформироваться и стать превалирующим правило левостороннего движения – в особенности, если с течением времени экзогенные перемены изменят относительные выигрыши от различных правил. В этом случае эволюция не способствует или почти не способствует принятию лучших правил.

Такая перспектива указывает нам на необходимость периодического рассмотрения альтернативных систем правил, а также на то, что сами правила должны расцениваться как объекты выбора, подлежащие изменению и пересмотру в соответствии с теми состояниями общества, которые они вызывают.

Данная перспектива указывает нам и на одну из возможных ролей «правительства» в сообществе людей, а именно – способствовать переходу от старых правил к новым. «Правительство» в данном контексте может быть устроено по-разному – это может быть формируемая на основе консенсуса ассамблея, вся совокупность участников игры или – как противоположная крайность – никем не избираемый король-диктатор.

Поскольку в данном примере выгоды, получаемые участниками, являются симметричными, сторона, выбирающая правила, не получает каких-либо особых преимуществ, однако может иметь важное значение наличие какого-то лица, группы или процесса, уполномоченных осуществлять выбор между различными правилами.

Во-вторых, переход от левостороннего движения к правостороннему может оказаться нежелательным, несмотря на преимущество последнего в матрице. Если правила рассматриваются как способ пере-

данной информации, позволяющей игрокам прогнозировать действия друг друга, то, следовательно, любое изменение этих правил означает ничтожение информации. Если правило («правостороннее движение» или «левостороннее движение») определяется заново утром каждого дня путем подбрасывания монеты, то это равносильно полному отсутствию правил. Для того чтобы выполнять свои функции, правила должны быть стабильными. Если правила подвержены постоянным изменениям, передаваемая ими информация теряет всякое значение. В этом случае каждый игрок уже не может исходить из того, что остальные будут придерживаться существующего правила, даже если ему самому это правило известно — ведь он не может знать наверняка, что остальные игроки узнают о том, что ему известно это правило. А в условиях, когда остальные игроки могут играть по «устаревшим» правилам, каждый из них менее заинтересован следовать новым.

Данный аргумент позволяет предположить, что в конституционной перспективе имеет место естественная склонность к консерватизму. Одной, одной лишь демонстрации, что какое-то состояние A, если оно достигнуто, «лучше», чем статус-кво, недостаточно, чтобы счесть оправданным отход от статус-кво. Достигнутый «локальный» максимум может оказаться и глобальным максимумом.

Признание этого факта раскрывает перед нами крайне важное различие между созданием конституции и ее реформированием. При создании конституции, когда отсутствуют какие-либо ранее существовавшие эффективные правила, речь идет о выборе между правилом, порождающим одну совокупность исходов, и правилом, порождающим альтернативную их совокупность. Предпочтение отдается тому правилу, которое обеспечивает получение предпочтительной совокупности исходов. Но когда речь идет об изменении уже существующего правила, как в случае конституционной реформы, то правило, которое порождает наиболее предпочтительный набор исходов, не обязательно оказывается доминирующим.

Приведенная здесь аргументация до некоторой степени оправдывает ту антипатию, которую сторонники концепции социальной эволюции испытывают к конструктивистскому рвению. В той мере, в которой существуют стабильные и терпимые правила, для общества может быть предпочтительным не пытаться их изменить. Этот довод всего лишь указывает нам на необходимость иметь правила, определяющие процедуры возможного изменения существующих правил и, в

частности, гарантирующие, что их изменения не будут происходить слишком часто и без должного учета издержек перехода.

Основные координационные игры, иллюстрируемые матрицами 1.2 и 1.3, являются чрезмерно упрощенными и в еще одном важном отношении. Помимо повсеместного конфликта между индивидуальными и «общественными» интересами, порождающего проблему принуждения к соблюдению правил, существует и несогласие между индивидами по поводу выбора самих правил. В рассматривавшихся до сих пор координационных играх соответствующий конфликтный потенциал преднамеренно игнорировался. Нет никакого различия между двумя игроками в том, что касается ординалистского ранжирования ячеек в матрицах.

Рассмотрим, однако, другой пример из той же более общей категории правил дорожного движения. В силу указанных выше причин наличие какого-то правила несомненно выгодно; ситуация идентична той, что описывалась в примере с левосторонним и правосторонним движением. Предположим, однако, что существуют два возможных правила действий водителей на перекрестках, из которых можно выбрать только одно. Одно правило гласит: «Пропусти того, кто справа», другое – «Пропусти того, кто слева». Иллюстрирует данное взаимодействие матрица 1.4.

В

Выбор правила
«пропусти того,
кто справа»

Выбор правила
«пропусти того,
кто слева»

А

Выбор правила
«пропусти того,
кто справа»

Выбор правила
«пропусти того,
кто слева»

	20, 5	–
–		5, 20

Матрица 1.4

Заметим, что ординалистское ранжирование двух соответствующих ячеек неодинаково для А и В – для А явно предпочтительнее первое правило – «пропусти того, кто справа», а для В – второе – «пропусти того, кто слева». Столь расходящиеся предпочтения могут иметь место в том случае, если, например, А прогнозирует, что по утрам он чаще всего будет подъезжать к перекрестку справа от направления движения В.

Два игрока отдают предпочтение различным правилам, несмотря на тот факт, что оба они предпочитают наличие какого-то правила его отсутствию. Однако, разногласие по вопросу о том, какое правило следует принять, может задержать введение правила и вызвать споры между участниками движения, каждый из которых стремится максимизировать то преимущество в распределении, которое сулит ему выбор между альтернативными правилами.

Не следует преувеличивать значения дифференциации преимуществ для различных игроков, обусловленных разными правилами. В той мере, в какой правила являются долговременными и в какой люди предвидят, что они в состоянии занимать разные позиции в последовательных партиях игры, игроки склонны достигать согласия относительно принимаемого правила гораздо быстрее, чем предполагает представленный простой анализ. В нашем примере, если игроки прогнозируют, что каждый из них порой будет приближаться к перекрестку справа, а порой – слева, то моделью их взаимодействия может стать не матрица 1.4., а 1.2.²⁵

5.

Правила рыночного порядка

В разделах II и III наша цель заключалась в том, чтобы выделить несколько элементов правил при помощи хорошо знакомых примеров – с одной стороны, обычных игр, с другой стороны – правил дорожного движения. Однако, как мы уже отмечали, главный интерес для нас представляют правила экономического и политического порядка.

²⁵ Принцип, в соответствии с которым достижение согласия по вопросу, какое из правил установить, менее трудно, чем соглашение о строго определенных распределительных аллокациях, всесторонне рассматривается в работе James M. Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* (Ann Arbor, University of Michigan Press, 1962). (Русский перевод: Бьюкенен Джеймс М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – С. 31-206.- Прим. ред.).

В этом разделе мы познакомимся с правилами рыночного, или экономического порядка, а в разделе VI мы исследуем правила политического порядка.

В обоих рассматривавшихся выше примерах необходимость существования правил становилась очевидной сразу же после обращения к взаимодействию: нельзя охарактеризовать обычные игры или дорожное движение, не подумав об их правилах. Однако, когда речь заходит о гораздо более важном экономическом взаимодействии между людьми, то правила, управляющие индивидуальным поведением, в таком взаимодействии зачастую игнорируются. Сами экономисты печально известны своим пренебрежением к данному аспекту.

Сложные аналитические исследования работы рынков часто ограничиваются лишь беглым упоминанием правил, в рамках которых на этих рынках имеет место индивидуальное поведение. Адам Смит не причастен к такому пренебрежению: он подчеркивал важное значение «законов и институтов» экономического порядка.

Лучшей иллюстрацией отхода от такой смитовской и классической принципиальной позиции, возможно, являются методы анализа «провалов рынка» в теории экономики благосостояния, разработанной в середине этого века. «Рынкам» были приписаны провалы в результате сравнения их с условными, формальными моделями, сконструированными из математических упражнений экономистов. Анализ ведется таким образом, как будто институциональные ограничения не имеют никакого отношения к тому, каким образом индивиды взаимодействуют внутри рыночных структур.

Самым лучшим примером значимости правил, возможно, будет обращение к знакомому случаю с использованием ресурсов, находящихся в общей собственности – то, что иногда называют «трагедией общедоступности».

Если простая максимизация полезности постулируется для описания поведения пользователей, то можно предсказать, что общедоступные ресурсы будут эксплуатироваться сверх меры. Утверждается, что рынок «проваливает» обеспечение эффективного использования редкого ресурса. Однако сегодня нам хорошо известно, что проблема здесь заключается не в самой работе рыночного механизма, а в тех правилах, в рамках которых действуют пользователи. Если правила изменяются таким образом, что редкий ресурс попадает в обособленное и частное владение, а также имеются средства для реализации и защиты прав собственности индивидов, то эта незэффективность исчезает.

Данный пример позволяет предположить, что присущая экономистам склонность рассматривать результаты, а не правила, их обеспечивающие, послужила источником глубокого заблуждения. Изменение результатов или исходов достигается не путем непосредственного манипулирования ими, а путем реформирования правил.

Нормативный напор теоретиков «экономики благосостояния» со средоточивался на обеспечении аргументации в пользу государственного или коллективного вмешательства в работу рынков. Сравнимая всесторонняя недооценка значения правил характерна и для группы экономистов, отстаивающей рыночные институты с нормативных позиций. Эти экономисты склонны игнорировать важность правил под тем – порой довольно наивным – предлогом, что «рынок возьмет свое» вне зависимости от институциональных ограничений. Предполагается, что рыночные решения достаточно действенны, чтобы подавить любые возможные институциональные ограничения.

Здесь, по-видимому, существует некоторая путаница между результативностью экономически мотивированного поведения в рамках данных ограничений и возможной результативностью экономически мотивированного поведения в изменении самих этих ограничений. Представляется вполне возможным, что обеспечиваемые рынком результаты могут быть вполне удовлетворительными в рамках данных институтов, но, в то же время, эти институты могут быть относительно нечувствительными к переменам, если не будет иметь место явное и непосредственное внимание к их устройству и возможному реформированию.

Если вернуться к примеру с общей собственностью, то могут существовать хорошо функционирующие рынки рыбы, на которых под действием сил спроса и предложения формируются полностью удовлетворительные результаты в плане размещения ресурсов и распределения (при данных ресурсных и институциональных параметрах), но в то же время отсутствие прав собственности на промысловые площади не позволяет установить систему правил, которые в любом смысле представляют собой нормативный идеал.

Заслуживает внимания и второй аспект правил рынка. Анализируя ранее правила дорожного движения, мы обнаружили, что одна из существенных функций этих правил состоит в том, чтобы не позволять индивидам мешать друг другу своими действиями: правила выполняли, в сущности, негативную функцию предотвращения катастрофического вреда. В основе своей это именно та задача, которую Гоббс отводил для правил общественного порядка –

водил для правил общественного порядка – удерживать общество от анархии.

Однако в смитовском видении рыночного порядка существует и весьма значительный позитивный аспект человеческого взаимодействия. В мире, каким его видел Смит, разделение труда порождает взаимные выгоды от сотрудничества между обменивающимися сторонами – выгоды, которые обеспечиваются каждой стороне, но которые полностью не в состоянии осознать ни один человек. На каждой из последующих стадий разделения труда каждый его участник реагирует на свое окружение проявлением творческой фантазии непосредственно в собственных интересах и, одновременно, косвенно – в интересах его партнеров. Последовательность таких творческих действий формирует порядок, который одновременно отражает громадные преимущества сотрудничества между людьми и обеспечивает возможности для новых творческих свершений. Всюду можно созерцать преобладающий рыночный порядок и осознать характер и масштабы выгод от человеческого сотрудничества в системе разделения труда. Однако невозможно заранее предсказать, какими будут характер и масштабы этих выгод. Для этого аналитику понадобилось бы овладеть всей творческим воображением, которое в данный момент рассеяно по всей совокупности экономических агентов.

Изложенная здесь точка зрения влечет за собой два вывода. Во-первых, в выборе правил рыночной системы есть нечто неизбежно нетелеологическое.²⁶ Как можно выбирать правила, исходя из конкретных результатов, которые должны быть обеспечены данными правилами, если характер этих результатов может быть точно определен только по мере их появления? Во-вторых, в случае неадекватного определения рыночных институтов или применения каких-то альтернативных правил, не обладающих благоприятными свойствами рынка, невозможно до конца узнать истинные масштабы нормативного «пропала». Мы можем догадываться, что этот «двигатель» человеческого сотрудничества не работает на полную мощность, но то иное, что могло бы быть необходимым, остается предметом домыслов.

²⁶ Отсутствие заранее поставленной цели (Прим. науч. ред.).

6.

Правила политического порядка

Многие исследователи общества могут согласиться с тем, что рыночные процессы протекают в рамках разумно и четко определенных правил, и что такие правила представляют собой важный предмет изучения. Однако они могут испытывать меньше желания применить этот же подход к политическим процессам.

Тем не менее, политические «выборы» также возникают из взаимодействия индивидуальных агентов в рамках системы институциональных правил, причем каждое действующее лицо ограничено действиями остальных. Участники политических процессов действуют в какой-либо системе более или менее четко определенных правил и делают выбор между доступными им вариантами таким образом, чтобы обеспечить себе максимальные выгоды (которые могут здесь, так же как и в иных общественных институтах, включать в себя как экономические, так и этические цели).

Главный вопрос заключается в следующем: является ли система правил, упорядочивающая отношения между отдельными действующими лицами, – той системой, которая лучше всего направляет действия отдельных индивидов в интересах других людей или, по крайней мере, удерживает индивидов от причинения вреда другим?

Существует несколько способов, позволяющих рассматривать политические процессы в тех же понятиях, в которых мы рассматриваем рынки. Первым и наиболее важным в этой связи является взгляд на политический процесс как на систему взаимодействующих индивидов, результатом которой становится равновесие. Данный взгляд не противоречит любому числу мотивов, которые можно приписать этим индивидам, и любому числу критерииев, по которым можно оценивать действующие правила. Мотивы и критерии, о которых идет речь, можно выбрать из арсенала экономистов.

В последующих главах мы исследуем такие приложения экономического метода к политическим процессам. Однако важны здесь не мотивы действующих лиц и не оценочные критерии, а готовность исследовать политический процесс в тех же понятиях, в каких мы исследуем рынки. Обладающие собственными целями индивиды взаимодействуют друг с другом в рамках системы правил (политических институтов), стремясь к достижению этих целей, и их взаимодействие, в конечном счете, служит установлению некоего

в конечном счете, служит установлению некоего конкретного исхода как равновесного. При данных возможностях и целях индивидов, структура исходов может быть изменена только путем изменения правил. А изменения в правилах, в дополнение, изменят исходы, возникающие из любого сообщества индивидов.

Последующие главы в значительной мере будут посвящены следствиям отдельных аспектов структуры политических правил. Здесь мы должны предупредить читателя о неизбежных трудностях разграничения правил и результатов в политической сфере. С одной стороны, правила политической игры достаточно очевидны: правило большинства; периодические выборы; различные ограничения полномочий правительства; требование систематической отчетности о расходовании общественных средств; географическая структура избирательной системы, включая возможное разделение самой политической юрисдикции при федеративном устройстве государства и т. д. Тем не менее, многие из этих характеристик сами являются результатами политического процесса.

Например, соглашения о допустимой для общественной деятельности области, которые имеют существенную конституционную ауру, в значительной мере определяются текущими политическими решениями. В этом смысле различие между правилами и результатами в политической среде чаще всего оказывается размытым.

Более того, поскольку и правила, и решения, принимаемые в рамках этих правил, происходят из довольно схожих друг с другом политических процессов, значимость данного различия может порой показаться несколько преувеличенной. Однако именно там, где это различие не является очевидным, могут оказаться под угрозой основные правила игры – и именно по этой причине мы попытаемся сохранять разграничение правил и результатов в сфере политики.

7. Значение правил

Первый аргумент в пользу необходимости изучения правил основан на признании той роли, которую играют правила в выделении равновесного исхода или структуры исходов для любого сообщества действующих в обществе лиц с данными возможностями и целями. Мы старались указать на то, что взаимодействие одних и тех же лиц

внутри любого общества может порождать любое число социальных результатов – в зависимости от существующих в этом обществе правил.

Однако осуществимыми являются лишь те социальные результаты, которые могут быть получены как равновесные в рамках некоторой институциональной структуры. По этой причине было бы неправильным исследовать множество всех возможных социальных результатов и выбирать из них в качестве идеала те, которые наилучшим образом отвечают какому-то независимому и внешнему нормативному критерию.

Институциональные структуры ограничивают множество осуществимых результатов не в меньшей мере, чем те основные физические ограничения («обеспеченность факторами производства»), которыми лимитируется ассортимент желаемых конечных продуктов в экономике.

Чтобы не быть обвиненными в создании здесь пугал, обратимся к стандартному обсуждению справедливости распределения, или по просту «справедливости», в сфере общественной политики (более подробно мы займемся этим вопросом в главе 8).

Стандартная процедура заключается в том, чтобы изучить все варианты распределения всего объема выпуска, соответствующие исходной наделенности производственными возможностями, и неизбежные потери продукта в процессе его перераспределения (хотя порой как раз эти последние и игнорируются). На основе этого выделяется множество умозрительно осуществимых «распределений», а затем выбирается «наилучшее» из них – для чего используется какая-либо функция общественного благосостояния или иная составляющая этического аппарата.

Однако у конституционалиста естественным образом возникает вопрос: как можно обеспечить получение этого «наилучшего» исхода в результате политического процесса? Несомненно, более разумным подходом является определение возможных альтернативных систем правил и изучение определяемых ими вариантов распределений. И, если окажется, что ни один из них не соответствует ранее выведенному «наилучшему», то мы должны попросту заключить, что это «наилучшее» недостижимо.

Конституционалист настаивает на исследовании правил, поскольку стремится включить в свой анализ все относящиеся к делу ограничения. Оставляя без внимания институциональные ограничения, аналитик допускает ошибку, равносильную исключению из экономического

анализа пределов производственных возможностей экономических агентов или игнорированию обусловленных редкостью основных ограничений.

Второй аргумент в пользу необходимости изучения правил является нормативным по своему характеру и имеет несколько измерений. Одно из них мы довольно подробно рассмотрим в следующей главе, где убедимся в том, что выбор между различными правилами – поскольку эти правила будут действовать в течение длительной последовательности игр, в которых шансы сторон являются довольно неопределенными – обладает некоторыми особыми характеристиками, не свойственными выбору, совершающему в рамках существующих правил, где позиции каждого игрока четко определены. Говоря конкретнее, естественная предрасположенность игроков к конфликту интересов в случае выбора между различными правилами существенно ослабевает, что увеличивает возможность достижения соглашения между игроками по поводу применяемых правил.

Существует, однако, еще одно измерение аргумента нормативного характера в пользу преимущественного внимания правилам, а не результатам. Оно основано на утверждении о невозможности дать надлежащую нормативную оценку результатов при отсутствии информации о том, как они были получены. Такое утверждение может быть выдвинуто исходя из того, что сам процесс по своей природе обладает нормативной значимостью, или же на том основании, что информация о процессе, в свою очередь, дает информацию о результате, без которой оценка трудна или вообще невозможна.

Рассмотрим простой пример. Предположим, что достигнут некоторый экономический результат, при котором А имеет пять яблок и шесть апельсинов, а В – десять яблок и девять апельсинов. Оценка данного результата отчасти зависит от наличия у нас информации о том, как он был достигнут. Допустим, что нам стало известно о том, что А попросту присвоил себе шесть апельсинов, ранее принадлежавших В. Если исходить из того, что ранее эти апельсины принадлежали В на законном основании, то итоговый результат может оказаться не-привлекательным в нормативном смысле, поскольку он явился следствием совершения кражи индивидом А – то есть, поскольку в процессе достижения этого результата А нарушил нормативные правила поведения.

Точно так же результат какого-либо состязания, например в беге, может оказаться не имеющим никакого нормативного значения: приемлемым может быть любой результат забега при условии, что его правила справедливы, и что они соблюдаются. В противном случае, хотя результаты нормативны, такими же могут быть и порождающие их процессы.

Человек, ошибочно осужденный за несовершенное им преступление, может почерпнуть некоторое утешение в сознании того, что суд был полностью справедливым, пусть даже присяжные и ошиблись в оценке фактов. Аналогичным образом, подсудимый, чья виновность очевидна, может счесть существенным полное соблюдение судебного ритуала, даже если исход процесса заранее известен. В обоих случаях нормативными свойствами, наряду с результатом, обладает и процесс.

Правила могут обладать нормативными характеристиками и в ином отношении – не потому, что процессы, протекающие по определенным правилам, имеют какую-то самостоятельную ценность, а в силу того, что следование определенным правилам обеспечивает получение информации о нормативном статусе результата. Это относится, в частности, к тем случаям, когда оцениваемым свойством результата является его эффективность. Говоря конкретно, если распределение яблок и апельсинов между индивидами А и В является результатом свободного обмена между двумя сторонами, начавшимся из некой точки исходного наделения, и если яблоки и апельсины обнаруживают свойства, присущие обычным «частным» благам, то мы можем считать, что итоговое распределение является эффективным или, по крайней мере, что данный обмен удовлетворяет критерию Парето. Если же информация о способе достижения конечного результата отсутствует, то у нас вообще нет оснований предполагать его эффективность. В самом деле, для такого суждения аналитику потребовалось бы прочесть мысли соответствующих индивидуумов и на основании этого вывести функцию полезности каждого индивидуума – что, разумеется, попросту невозможно. Тот факт, что данный результат возникает из процесса, характеризуемого определенными правилами, обеспечивает получение информации о нормативном статусе результата, который невозможно было бы получить иным образом. Здесь нормативное значение придается результату, а не процессу, однако процесс, тем не менее, служит критерием для определения характера полученного результата.